

***

На волю, в степь, в июньскую траву,
Вошедшую в молитвенную силу!

Домой!

Домой – на родину – в Россию,
Которой я по-прежнему живу.

Сырой земли обветренную выю
Обвить. Так стену заплетает хмель
Назойливыми гибкими плетями,
Так неподъёмный нагловатый шмель
В бутон впивается мохнатыми когтями...

***

А.З.

I

Твой взор горяч, как ятаган кровавый,
Звериный стан подобен тетиве.

Бог весть теперь, какую смертной славой
В роду твоём намешано кровей...

Играй со мной, и ласково, и хищно,
Ревнуй меня отважно и смешно,
Ведь я молюсь, чтоб ничего не вышло,
Пока ты смотришь в ятное окно.

II

Оставайся же в чёрном проёме купе
В ослепительно кипенных сонных пелёнах!
Я бесшумно сойду. Я растаю в толпе,
Как морозное утро, как мир обновлённый.

***

Уходит снег, тяжёл и чужд,
Так ожидаемо-внезапно –
Баз хлипкой каши, долгих луж –
Единым необъятным залпом.

Рывком разбуженная твердь
Трепещет не от страсти пылкой,
Но каждой прошлогодней былкой
Свою отпугивая смерть.

А по ложбинам, где в снежницах
Живую влагу пили птицы,
Взойдут прощальные слова –
Степной подснежник – Сон-трава.

***

Веди меня сквозь рокот городской,
Сквозь токовища, тырлица людские –

Чувствовалища, взведённые тоской
По громовой молниеносной силе!

Веди меня сквозь робкие штрихи
Берёзовой невыразимой речи,
Сквозь пёстрые прозрачные стихи
К спасительной повадке человечей.

Веди на дальний приглушённый зов,
На тихий звон, чтоб светоносный воин
Отвёл ладонью занавес из слов,
Шагнул ко мне – прекрасен и спокоен...

Урал

Урал мой суровый!
Урал мой – у Ра –
Подножие Божье,
Пророк и предтеча,
Арийская Меру –
Мировая гора,
О, медноголосый
Исток Эры речи!
Ура!
Я ликую и блага молю
Всем детям твоим – добрым,
Неравнодушным!
И всем существом говорю, говорю:
Ты слышишь меня, о, имеющий уши!

И так по тебе моё сердце болит,
Высокий, горячий, живой монолит!

***

Где голой гладью мрак вбирая
Плыла река среди зимы,
Мы были подняты до рая
И на века разведены.

Вода немислимым смиреньем
Мороз пыталась превозмочь,
Чтоб тёмнохвойные деревья
В неё смотрели, словно в ночь,

Она свинцово равнодушно
Между увалами текла,
Невозмутима и послушна
Волне придонного тепла.

***

О, Господи, как я привыкну к себе такой –
Исполинской раките, склонившейся над рекой,

Где измученный путник однажды поил коня,
И мгновенье – не боле – помедлил в тени меня?

Но мгновение пёстрым вспорхнёт чирком,
Оставляя вечности чёрточку ни о ком,

Что рассеется рябью, ляжет в придонный ил...
А раките – по-бабьи помнить, что кто-то был,

Или гибкими ветками косы реке плести,
Или след, еле видимый, листьями замести.

***

Предательски зима заходит с тыла,
Как ранняя скупая седина,
И, кажется, что жизнь, где я любила
Отныне сочтена –

Сосчитана, как мелочь на прилавке,
Как выгодный барыш ростовщика,
Измерена и стянута удавкой
Просторного мешка.

Но поздний луч, что грошик неучтённый,
Застравший меж скрипучих половиц,
Протиснется сквозь толщу массы тёмной
Из туч и птиц,

И скроется – невыразимо лёгок –
Как вылет молодого чеграша,
Чтоб вспомнила себя светло и строго
Душа.

***

Родниковую лаву – стихию речь
Можно только черпая уберечь,
К воспалённым устам поднося в горсти.
Только тем и можно себя спасти.

Ведь, всего и дела-то: пей да пой,
Подавая всякой душе слепой
Путеводный голос, благую весть:
Я здесь.